

УДК 811.161.1

ВЕДЕНИЕ ДИАЛОГА КАК СФЕРА ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Т.В. Матвеева

В статье ставится проблема системного лингвоэкологического подхода к диалогическому речевому общению. Предлагается опора на системно-ценностное осмысление речевой коммуникации и выдвижение на первый план речедействительностного анализа неформальной диалогической речи. Основной единицей наблюдения и описания речевого взаимодействия принимается речевой поступок коммуниканта, оформляемый в виде высказывания, целью лингвоэкологического описания является установление перечня стандартных речевых поступков, направленных на разрушение принятых в данной культуре правил и конвенций речевого общения. Коммуникативная лингвоэкология требует модификации лексикографического оформления полученных результатов, подготовки коммуникативно-культурных словарей широкой адресованности.

Ключевые слова и фразы: диалог; речевой поступок; стратегия координации; нормы речевого поведения.

MAKING A DIALOGUE AS A SPHERE OF LINGUISTIC ECOLOGY

T.V. Matveeva

The article puts forth the problem of systematic linguo-ecological approach to the dialogical speech communication. It is proposed to base upon speech communication conscience via the criteria of system and value; and to put forward the analysis of the speech activity in informal dialogical speech. The main unit of observing and describing speech interaction is a communicant's speech act; the purpose of the linguo-ecological description is to find out the list of standard speech acts, supposed to break the rules and conventions of the speech communication. Communicative linguistic ecology demands to modify lexicographic reflection of the results achieved, and to prepare communicative and cultural dictionaries for the mass reader.

Key words and phrases: dialogue; speech act; coordination strategy; norms of the speech behaviour.

Диалог как естественное активное речевое взаимодействие людей является генетически первичным видом речевой деятельности, тогда как монологическая речь представляет собой продукт длительного отчуждения адресата от активного участия в речевом взаимодействии. Потребности и права адресата учитываются и в некоторой степени удовлетворяются автором монолога, что выражается в категории диалогичности, под которой подразумевается лингвистическое выражение в тексте установки на адресата [Кожина 1981]. В диалоге же само понятие адресата не имеет определённости, поскольку коммуниканты постоянно меняются своими ролями отправителя и получателя речи.

Парадоксальным образом, феномен диалогичности был раньше выделен и лучше изучен в качестве категории монологического текста (см. труды М.Н. Кожинной,

Л.Р. Дускаевой, Н.А. Красавцевой, Т.И. Востриковой, Е.А. Жулановой и др.), нежели в своём первозданном состоянии: как имманентное свойство диалога. Положение дел стало меняться с развитием линвопрагматики и становлением коммуникативного (речедеятельностного) подхода к лингвистическому объекту большого объёма. В настоящее время субъектные отношения коммуникантов – одна из самых актуальных проблем коммуникативной лингвистики.

Диалогическая речь реализуется в двух дискурсивных разновидностях: лично ориентированной (неформальный разговорный диалог) и статусно ориентированной [Карасик 2000: 33]. В обоих случаях это воплощённая речевая деятельность двух или более собеседников, каждый из которых, имея собственный (осознанный или подсознательный) замысел речевого общения, вынужден постоянно соотносить его с замыслом своего собеседника, корректировать свои и чужие высказывания в соответствии с постоянно меняющимся составом общения. О.С. Иссерс, разработавшая типологию основных стратегий речевой коммуникации, выделяет в их числе группу диалоговых речевых стратегий, которые предназначены для «мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения» [Иссерс 1999: 16]. Сходным образом действует И.Н. Борисова, выделяя категорию коммуникативной координации речевого поведения в диалоге и называя её универсальной категорией диалогии. Согласование речевых действий участников диалога определяется социально-коммуникативной необходимостью, осознанной обществом, оно типизировано и проявляется в единой по прагматическому содержанию совокупности речевых поступков говорящих [Борисова 2005: 165–166].

Технология коммуникативной координации, складывающаяся из отдельных актов речевого поведения, может изучаться как относительно самостоятельный речедеятельностный феномен модусного (субъективного) характера, в отвлечении от диктумной [Балли 1961], т.е. объективно-информационной составляющей диалога. При рассмотрении данного объекта в процессуальном (дискурсивном) аспекте, основными терминами его описания являются термины *речевая стратегия* и *речевая тактика*, отражающие целенаправленный характер речевой деятельности. Точно схваченная О.С. Иссерс в понятии мониторинга, суть диалоговой стратегии состоит в систематическом отслеживании взаимоотношений говорящих со своими речевыми партнёрами, а формой являются репличные реакции приятия или неприятия, поддерживания или сдерживания, словом, стратегической оценки речевых поступков собеседника (и, реже, собственных). Развитие живого разговорного диалога характеризуется периодичной взаимной

сигнализацией коммуникантов об успешности или неуспешности речевого контакта, совпадении или несовпадении психологических установок и состояний, желании или нежелании длить речевой контакт.

Речевая деятельность участника диалога по-своему сложнее монологической деятельности. Ещё Л.П. Якубинский в своей пионерской работе 1923 г. «О диалогической речи» писал о совмещении речемыслительных функций участника диалога: во время говорения коммуникант одновременно считывает реакции речевого партнёра и корректирует свою речь в зависимости от них; во время слушания он не только реагирует на высказывание партнёра, но и обдумывает продолжение своей речевой партии [Якубинский 1986: 36]. Продвижение диалога осуществляется при непрерывном балансировании сторон общения, в постоянной зависимости от изначальной и от ситуационных целей каждого из коммуникантов, причём меняться могут не только конкретные цели, но и общая целеустановка.

Может ли такая многопрофильная речевая деятельность управляться лишь персонально, является ли контроль над нею сугубо индивидуальным? Нет сомнения в том, что разговорный диалог, пусть он «в большей степени явление природы, чем монолог», в котором социальное ближе всего подходит к биологическому, тем не менее, представляет собой несомненное явление культуры [Якубинский 1986: 34]. Индивидуальное коммуникативное балансирование, безусловно, подчиняется выработанным на протяжении веков правилам национального речевого поведения, в совокупности составляющим технологию ведения диалога. Выяснение этой технологии как лингвопрагматического целого является крупной задачей современной коммуникативной лингвистики.

Общение в диалоге характеризуется широким диапазоном отношений собеседников, от полного унисона до конфликтного противостояния. В области диалогического общения возможны как проявления высоких образцов и норм национального общения, так и явления речекультурной деградации, языкового нигилизма и цинизма. Лингвоэкологию интересует сфера языковой деградации в целом [Сковородников 2006], и лингвоэкологические аспекты диалога в рамках этой сферы чрезвычайно важны хотя бы потому, что диалог прежде всего и является реальной языковой средой личности: только разговорная диалогическая речь является функциональной разновидностью языка, которой активно владеют все говорящие на этом языке. Непринуждённые диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом.

Направленный характер лингвоэкологии, связанный с постоянным вычленением своего объекта исследования – участков коммуникативного напряжения, в иной терминологии, «рискогенности» [Сиротинина 2013], – отвечает магистральному повороту теории культуры речи как прикладной лингвистики в коммуникативно-прагматическую сторону. Сложившаяся теория культуры речи, имеющая как номинативный, так и коммуникативный компоненты, первоначально базировалась на позитивном основании: системе идеальных качеств речи (точность, логичность, ясность, выразительность, уместность и др.), с дальнейшим анализом отступлений от них [Головин 1988]. Объектом изучения при таком подходе является сама речь, в некотором отвлечении от коммуникантов и актов коммуникации (они учитываются, но их речевые действия не отслеживаются). В настоящее время в данной отрасли знания акцентируется внимание не на качествах речи как таковых (ортологии в широком понимании данного термина), а на качестве коммуникации, непосредственно речевом взаимодействии сторон общения (личностной речедеятельностной ортологии). Такой подход сопряжён, во-первых, со специальным вниманием к коммуникантам как носителям определённых биофизических, психологических, этических, социально-статусных характеристик; во-вторых, с последовательным применением речедеятельностного подхода к материалу. Объектом внимания теории культуры речи вообще и лингвоэкологии в частности становится сам человек говорящий, его речевые поступки, речевая деятельность в целом.

Лингвокультурологическое содержание речевого поведения в разнообразных актах общения может рассматриваться в качестве одной из подсистем воплощения культурных ценностей народа. Речеповеденческая культура, как и культура в целом, представляет собой свод определённых установок, правил, требований, действующих на основе обычая. Эта культура имеет ряд констант и располагает гибкими механизмами их реализации. Поведенческие константы устойчивы, однако не абсолютны и постоянно подвергаются испытанию: им грозит пренебрежение, размывание, разрушение.

Причины этого различны. Так, современные условия бытования русского языка характеризуются влиянием глобализации, что ведёт к интервенции не только иноязычной лексики, но и стандартов западной (преимущественно американской) коммуникативной культуры. Примером последних может служить внедрение философии индивидуализма и выдвижение на первый план категории успеха, которая в русской традиции сомнительна. Русская коммуникативная культура переживает период «турбулентности» с тенденцией размывания национально-культурных норм, сокращения национально-культурной

составляющей в системе речевого поведения людей. Если говорить о текстосфере, то активнее всего эта тенденция, грозящая утратой русской идентичности и кризисом языковой способности, формируется в рекламной деятельности и текстах масс-медиа. Непринуждённый диалог тоже отражает эти процессы, но в силу его сугубо личностного характера меньше затронут осознанным и целенаправленным культурным западническим. Изучение повседневной диалогической речи как взаимодействия носителей определённой культуры обещает уточнение коммуникативно-культурных ценностей народа (установок, норм, конвенций, стереотипов), определение национальных коммуникативно-этических констант речевого общения, как и рискогенных зон последнего. Другая причина речеповеденческой деградации связана с языковым нигилизмом, равнодушием к любым культурным традициям. Речевое люмпенство разрушительно, и наиболее активно оно проявляется именно в личной сфере неформального диалогического общения.

Чтобы коммуникативная лингвоэкология как наука о речевой деградации приобрела системный характер, она должна опираться на системное представление о национальном лингвокультурологическом позитиве, а также располагать методикой адекватного описания прагматических реалий речевого взаимодействия. Рассмотрим подробнее каждую из этих позиций.

Первая из них, содержательная, связана с концепциями, обобщающими ценностный подход к речевой коммуникации. Данный подход отражён уже в известных максимах Грайса, отражающих основные постулаты правильного общения. В отечественной науке предложено несколько обобщений ценностного характера: на основе понятий риторического идеала (А.К. Михальская), культурной доминанты (В.И. Карасик), коммуникативной ценности (В.В. Дементьев). Полученные разными учёными данные об эталонных качествах русской речи во многом совпадают, что свидетельствует об объективности исторически сложившегося в национальной культуре представления о том, какой должна быть речь. Образ хорошей речи, стоящий за понятием риторического идеала, неотъемлем от отечественного нравственного идеала, выработывавшегося веками. Исследователи данной проблематики (А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.К. Михальская, А.П. Сковородников) единодушны в том, что как общественное, так и личное сознание характеризуется наличием определённого национального представления о том, каким должно быть речевое общение. С этим идеальным представлением соотносится вся реальность речевого взаимодействия. Состав же риторического идеала исторически

обусловлен и отражает систему духовных ценностей народа, прежде всего этических, а кроме них – эстетических и прагматических.

Для русской риторической традиции характерна идеализация гармонии речевого общения, квинтэссенцией которой является радость, а средствами достижения – миролюбие, искренность, скромность, отказ от осуждения, внимание к собеседнику, душевная тональность общения и др. [Михальская 1992 и др.]. Для сравнения: В.В. Дементьев, ссылаясь на труды Л.В. Балашовой по русской идиоматике, фиксирует в качестве ведущих коммуникативных ценностей неконфликтное душевное общение, открытость и искренность участников коммуникации [Дементьев 2013: 193–203]. Во многом русский риторический идеал определяется традициями православного христианства; не противоречит он и античной риторической традиции в её сократическом варианте с идеалами гармонизации, диалогического равноправия сторон и поиском истины как цели общения.

Выстраивая системную лингвоэкологию как исследование резких отклонений от речевого идеала, можно конкретизировать каждую из идеальных черт в зоне нарушения исходного правила, разрушения исторически выработанной ценности. Так, эталон негневливости в плане лингвоэкологии задаёт сферу изучения речевых проявлений раздражительности, досадливости, гнева, в целом – гневливости; эталон скромности предполагает анализ самоумаления и ставит под сомнение явление речевой самопрезентации (особенно демонстрацию собственной успешности); эталон отказа от осуждения другого сопряжён с изучением хулы собеседника или третьих лиц. Черта риторического идеала способна служить основанием частной программы исследования отступлений от него, а далее – путей преодоления этих отступлений в чужой и своей речи.

Имеет ли отношение всё сказанное к непринуждённому разговорному диалогу, казалось бы, наиболее далёкому от риторики, то есть искусства речи? Да, конечно, и свидетельством тому выступает уже сформированная отрасль данной науки под названиями риторика повседневности (повседневного общения), или обыденная риторика. На разговорный диалог не в меньшей, а может быть, и в большей степени распространяется ценностный подход, диалогическая речь подчиняется общему культурному кодексу нации.

Теперь о методической стороне лингвокультурологического исследования диалогической речи, специфика которой очень велика. Поставив целью изучение речевого поведения людей в их неформальном диалогическом взаимодействии, исследователь заново сталкивается с задачей выделения принципов описания и единиц анализа. Принципиально значимо в данной сфере речедейственное основание, что ведёт за собой применение

тактико-стратегического подхода. Помимо уже укрепившихся в современной лингвистике терминов *коммуникативная стратегия* и *коммуникативная тактика*, актуально внедрение термина *речевой поступок*, который И.Н. Борисова определяет антропоцентрически: как единицу речевого поведения, а именно «акт деятельности, помещённый в современный контекст культуры и социальной жизни» [Борисова 2005: 145]. Объектоцентрически из данного определения вытекает то, что речевой поступок является единицей дискурса и неотрывен от диалогического дискурса, поскольку он в высшей степени контекстуален, детерминирован личностно, социально и стилистически [Борисова 2005: 147]. Формально речевой поступок представляет собой коррелят реплики диалога, хотя взаимно однозначного соответствия между ними нет: речевой поступок может быть и не ограничен пределами одной реплики, как и реплика может содержать в себе не один речевой поступок.

Общепринятое деление реплик диалога на инициативные и реактивные и анализ взаимосвязи модусного содержания диалога с данными типами позволяет понять, что для координации речевых действий коммуникантов более значимы речевые реакции на инициативу собеседника. Л.П. Якубинский отмечал, что эти реакции имеют почти рефлекторный характер [Якубинский 1986]. В их числе наиболее распространены короткие реплики-реакции, интерпретирующие развитие диалога как процесс речевого взаимодействия. Они адресованы собеседнику и содержат характеристику его высказываний, влияющую на степень его речевой активности и состав содержания речи (адресатные речевые поддержки и придержки). В то же время ограничивать координативную деятельность личности только с речевыми реакциями на инициативу собеседника нельзя. Дело в том, что говорящий координирует не только поведение речевого партнёра, но, по мере надобности, и своё собственное. Координирующие речевые поступки могут совершаться в рамках собственной речевой инициативы и быть направленными на самого говорящего. Назовём соответствующие высказывания *автохтонными* (в информационном и формальном плане они не выходят за пределы собственного речевого ряда одного говорящего и направлены на его собственную речь). Обычно автохтонные высказывания имеют небольшой объём, располагаются в конце реплики и подводят итог пространного высказывания коммуниканта в виде его собственной оценки сказанного (*я, вероятно, утомил вас; очень длинно получается; простите уж за эмоциональность*) или представляют собой персональную реакцию на некоторый фрагмент диалога, опирающуюся на поведение речевого партнёра (*что-то я не туда ушёл, да?; вижу, что вас это напрягает; знаю, что вам это безразлично*).

Из данного выше понимания речевого поступка вытекает необходимость работы не с отдельными репликами разговорного диалога, а с минимальными диалогическими единствами [Баранов, Крейдлин 1992] и более крупными фрагментами диалога. В наибольшей степени эта необходимость ощущается при анализе координативной стратегии собеседников, поскольку она в высшей степени контекстна и напрямую связана с понятием интеракции.

Ведение непринуждённого диалога (осуществление его координативной стратегии) представляет собой отдельную задачу каждого собеседника, которая существует наряду с информационной и практической задачами. Координация речевых действий первостепенно важна в плане межличностных отношений участников общения, то есть относится к области модуса общения. Нет сомнения в том, что координативная стратегия типизирована в культуре общения как содержательно, так и в плане речевого оформления. В русской речевой культуре возможность целенаправленного реагирования одного коммуниканта на содержание и оформление речи другого (реже – и своей собственной) обеспечена большим количеством коммуникативных норм и соответствующих им речевых регулятивов. С их помощью каждый из собеседников направляет общение в желательную для себя сторону, до некоторой степени управляет речью партнёра, постепенно выявляя вектор формирования и развития совместного диалогического общения.

Разнонаправленные векторы такого реагирования – гармония и дисгармония общения – тесно связаны с фундаментальными понятиями культуры, определяющими стиль общения коммуникантов. Позитивный стиль определяется максимами речевого общения и базовым принципом вежливости. Негативное противопоставление норме общения, выражающееся в диктате собственной личности, признании правомерности силовых способов речевого взаимодействия, нетерпимости по отношению к собеседнику, составляет сферу интересов лингвоэкологии.

Ещё раз отметим, что и коммуникативные нормы ведения диалога, осмысляемые в обществе в качестве образцовых, и отклонения от них выражаются в конкретных речеповеденческих акциях и реакциях, операционально. Не отрицая значимости номинативных (концептуальных) характеристик диалогического общения, подчеркнём особенности изучаемого объекта (им является речевое взаимодействие) и деятельностный характер коммуникативно-прагматической нормы. Единицей наблюдения и кодификации становится не концепт, носителем которого является номинация, а речевой акт в его коммуникативной конкретике – речевой поступок, оформленный в виде одного или

нескольких высказываний. Это существенно осложняет задачу соответствующего научного описания коммуникативно-культурного варьирования личностного диалога, поскольку противоречит присущей любому словарю идее изоляции и отдельной характеристики единицы описания. Однако и в области речевой деятельности могут быть выделены элементы процесса: типичные речевые поступки.

Конечной целью речедействительностного описания координативной стратегии диалога является лексикографическая инвентаризация речевых клише неформального общения, отражающая зависимость речевого поступка от его ситуативной прикреплённости и социолингвистических характеристик речевых партнёров. Многофакторность конкретных речевых поступков несомненна, причём действующие факторы проявляются в различных группировках и реализуются одновременно. Всё это требует существенной корректировки лексикографического описания речевых действий коммуникантов, обеспечивающих ведение разговорного диалога. Основу такой корректировки составляют следующие положения.

– Словарная статья коммуникативно-прагматического словаря строится на базе речевой интеракции (минимального диалогического единства).

– Трактовка речевого поступка должна предваряться словесно-схематическим представлением типовой модели определённого блока общения (стандартной логической комбинации реплик-стимулов и реплик-реакций).

– Учитывается бинарный характер речевого реагирования на высказывание собеседника: с ориентацией на гармоничное или дисгармоничное взаимодействие коммуникантов; соответственно словарная статья содержит два раздела, в первом из которых отражается нормальный ход диалога, а во втором, лингвоэкологическом, – деструктивные речевые действия.

– Непосредственным материалом словарной статьи являются речевые стереотипы (клише общения, фразовые стандарты), регулирующие ход диалога путём модальной реакции на инициативное высказывание собеседника или модусного завершения собственного информативного высказывания.

– Каждый речевой стандарт сопровождается формализованным комментарием, отражающим ситуативную специфику и социолингвистические характеристики речевых партнёров.

– Речевые стандарты иллюстрируются фрагментами оригинальных речевых произведений.

Вероятно, словари диалогических единств будут представлять собой сочетание идеографического словаря и разговорника, возможно, что собственно словарь потребует применения очеркового культурологического комментария. Потребность в создании систематизированного представления о диалоговой стратегии в её русском речекультурном варианте и отражении этого представления в коммуникативно-прагматических справочных изданиях осознана как таковая. Опыт создания словарей и справочников по речевому этикету, что имеет прямое отношение к рассматриваемой теме, покрывает лишь малую часть культурологии диалогического общения. Область ведения диалога гораздо шире, а главное, она имеет самое непосредственное отношение к острым проблемам общения, составляющим непосредственный объект лингвоэкологии.

Список литературы

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: КомКнига, 2005. 320 с.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: Категория персональности в лексике и грамматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 29 с.

Карасик В.И. Бытийный дискурс // Языковая личность: проблемы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2000. 112 с.

Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М.: Наука, 1981. С. 187–214.

Михальская А.К. Практическая риторика и ее теоретические основания. М.: Прометей, 1992. 136 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2013. 115 с.

Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос ун-та, 2006. 47 с.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

References

Baranov A.N., Krejdlin G.E. Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga [Illocutive demand in the dialogue structure]. *Voprosy yazykoznanija*. 1992. № 2. Pp. 84–99.

Borisova I.N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika [Russian speech dialogue: structure and dynamics]. M.: KomKniga Publ., 2005. 320 p.

Golovin B.N. Osnovy kul'tury rechi [The foundations of the speech culture]. M.: Vyshhaya shkola Publ., 1988. 320 p.

Dement'ev V.V. Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: Kategoriya personal'nosti v leksike i grammatike [Communicative values of the Russian culture: The category of personality in vocabulary and grammar]. M.: Global Kom Publ., 2013. 336 p.

Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Doct. diss. [Abstract]. Yekaterinburg: [s. l.], 1999. 29 p.

Karasik V.I. Bytijnyj diskurs [Existential discourse]. *Yazykovaya lichnost': problemy mezhkul'turnogo obshheniya [Speech personality: the problems of cross-cultural communication]*: collection of papers. Volgograd: Peremena Publ., 2000. 112 p.

Kozhina M.N. Dialogichnost' pis'mennoj nauchnoj rechi kak proyavlenie sotsial'noj sushhnosti yazyka [On the dialogue features of the written scientific speech as a reflection of social essence of language]. *Metodika i lingvistika [Method and linguistics]*: collection of papers. M.: Nauka, 1981. Pp. 187–214.

Mikhal'skaya A.K. Prakticheskaya ritorika i ee teoreticheskie osnovaniya [Practical rhetoric and its theoretical foundations]. M.: Prometheus Publ., 1992. 136 p.

Sirotnina O.B. Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [The Russian language: its system, use, and the risks created by them]. Saratov: Saratov University Press, 2013. 115 p.

Skovorodnikov A.P. Voprosy ehkologii russkogo yazyka [Questions of ecology of the Russian language]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press, 2006, 47 p.

Yakubinskij L.P. O dialogicheskoy rechi [On the dialogical speech]. *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funkcionirovanie [Collected works: Language and its functioning]*. M.: Nauka Publ., 1986. Pp. 17–58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Матвеева Тамара Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка

Уральский федеральный университет

Россия, 620026, Екатеринбург, Луначарского, 217, кв. 5

E-mail: tomat-44@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Matveeva Tamara Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Rhetoric and Russian stylistics

Ural federal university

217 Lunacharsky St., Apart. 5, Yekaterinburg 620026 Russia

E-mail: tomat-44@mail.ru